
Тадеуш Ружевиц

Стихи

ЖЕЛАНИЕ

Перевод с польского Ал. Ревича

Памяти Тадеуша Боровского

Хочу владеть такою яркой речью,
чтоб стих мой влек детей сильнее, чем зелень
сверкающего солнечного парка.

Хочу владеть простым и теплым словом,
чтоб старики, читая, молодели.

Да, я хочу владеть такою речью,
чтоб слезы осушать теплом улыбки.

Хочу владеть спокойным, тихим словом,
чтоб люди отдыхать могли со мною,
смеяться,
плакать,
петь и молча думать.

Хочу владеть суровым гневным словом,
чтоб все мечты вернулись, все надежды,
чтоб развернулись крылья за плечами.

Не говорить хочу,
а действовать словами,
чтоб к ним могли руками прикоснуться
люди.

СТАРАЯ КРЕСТЬЯНКА ИДЕТ ПО БЕРЕГУ МОРЯ

Перевод с польского А. Голембы

Идет по берегу моря
в беленьком чистом платочке;
волна бежит к ней,
молодая и шумная, как полянка,
по которой летела когда-то
на свиданье.

Старуха
идет по берегу моря;
еще в ней осталась
усталость,
еще полна она дорожной

сумятицы,
сверкания вокзальных фонарей,
лихорадки и маяты,
дымов над столиками,
ночной духоты,
холодного рывканья,
издаваемого динамиками бессонными
над подрагивающими
перронами.

Приехала сюда на рассвете.
На серебряных дюнах,
в острых травах,
в розовых пятнах
трепетали
лепестки цветов непонятных.

Идет,
оставляет узкие следы на песке.
Первая
женщина из деревеньки в предгорьях
шагает по взморью.
Волна смывает следы,
выносит на отмель
раковины,
серые снаружи
и ясенорозовые внутри,
водорослей
гниющие стебли
и угасшие капельки
янтаря.

Шагает
по взморью,
наклоняется,
зачерпывает немножко,
увлажняет лицо,
ощущает волну на ресницах.
как слезу.

В беленьком платочке,
повязанном по-деревенски,
с башмаками через плечо
— так ходили на ярмарку в город,
так щадили кожу подметок —
идет.

Шла столько лет
по землям и рекам,
по камням и травам,
под солнцем и ливнем,
и в день градобитья,
сквозь туманы и тучи,
сквозь ворота чугунные,
сквозь костелы гранитные.

Полвека шла к морю огромному,
пока не вынесла ее на берег
новая власть
рабочих и хлеборобов.

Море вступает в небо;
между морем и небом
чайка кричит,
белокрылая
небыль.
Старуха
идет по берегу моря.

Поднимает раковину,
слушает,
улыбается
небу, морю,
собственным мыслям,
своей жизни,
наполненной трудом,
слезами кровавыми.
Такая раковина лежала
на комодке
среди цветов из папиросной бумаги,
между образками
и хрустальным шаром,
в котором вечно пересыпался
голубой снег.
Старики говорили:
в раковине замкнуто море —
и сияли глаза ребятишек.

Молодые ватерполисты,
слишком шумно, пожалуй,
мяч перебрасывавшие алый
по веселой волне,
увидали старуху
в белой косынке —
в одной руке несла она ботинки,
в другой, словно малая девочка,
крепко сжимала
серую раковину с янтарным нутром.

Глаза ее были зажмурены,
лицо ее
сияло на свету,
будто цветок после дождя.

Бормотало огромное море.

То не море вдруг заговорило,
то отверзлись у женщины очи,
дрогнули губы...

